

БИБЛИОГРАФИЯ

Русские книги

Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой. Описательное стихотворение в четырех частях Федора Глинки.— С.П.б., в типограф. Х. Гинце, 1830 (VIII — 112 стр. в 8-ю д. л.)^{*22}

Изо всех наших поэтов Ф. Н. Глинка, может быть, самый оригинальный. Он не исповедует ни древнего, ни французского классицизма, он не следует ни готическому, ни новейшему романтизму;

142

слог его не напоминает ни величавой плавности Ломоносова, ни яркой и неровной живописи Державина, ни гармонической точности, отличительной черты школы, основанной Жуковским и Батюшковым. Вы столь же легко угадаете Глинку в элегическом его псалме, как узнаете князя Вяземского в станцах метафизических или Крылова в сатирической притче. Небрежность рифм и слога, обороты то смелые, то прозаические, простота, соединенная с изысканностию, какая-то вялость и в то же время энергическая пылкость, поэтическое добродушие, теплота чувств, однообразие мыслей и свежесть живописи, иногда мелочной,— все дает особенную печать его произведениям. Поэма “Карелия” служит подкреплением сего мнения. В ней, как в зеркале, видны достоинства и недостатки нашего поэта. Мы, верно, угодим нашим

* Продается у издателя, книгопродавца Ив. Вас. Непейцына в д. Г. М. Балабина, под № 26-м. Цена экз. 6 р., с пересылкою 7 р.

читателям, выписав несколько отрывков, вместо всякого критического разбора *.

(Монах рассказывает Марфе Иоанновне о прибытии своем в Карелию.)

“В страну сию пришел я летом,
Тогда был небывалый жар,
И было дымом все одето:
В лесах свирепствовал пожар,
В Кариоландии²³ горело!..
От блеска не было ночей,
И солнце грустно без лучей,
Как раскаленный уголь, тлело!
Огонь пылал, ходил стеной,
По ветвям бегал, развивался,
Как длинный стяг перед войной;
И страшный вид передавался
Озер пустынных зеркалам...
От знойной смерти убегали
И зверь, и вод жильцы, и нам
Тогда казалось, уж настали
Кончина мира, гибель дней,
Давно на Патмосе в виденье
Предсказанные²⁴. Все в томленье
Снедалось жадностью огней,
Порывом вихрей разнесенных;
И глыбы камней раскаленных
Трещали.— Этот блеск, сей жар
И вид дымящегося мира,—
Мне вспомянули песнь Омира²⁵,
В его стихах *лесной пожар*.
Но осень нам дала и тучи
И ток гасительных дождей;

* № 6-м “Литер, газеты” было вкратце изложено содержание сей поэмы.— Издатель, г. Непейцын, заслуживает всякую похвалу за старательное и отлично красивое издание оной.

**И нивой пепел стал зыбучий
И жатвой радовал людей!..
Дика Карелия, дика!
Надутый парус челнока
Меня промчал по сим озерам;
Я проходил по сим хребтам,
Зеленым дебрям и пещерам;
Везде пустыня: здесь и там
От Саломейского пролива
К семье Суюсарских островов,
До речки с жемчугом игривой*,
До дальних северных лесов,
Нигде ни городов, ни башен
Пловец унылый не видал,
Лишь изредка отрывки пашен
Висят на тощих ребрах скал;
И мертво все... пока шелойник²⁶
В Онегу, с свистом, сквозь леса
И нагло к челнам, как разбойник,
И рвет на соймах²⁷ паруса,
Под скрыпом набережных сосен.—**

143

**Но живописна ваша осень,
Страны Карелии пустой:
С своей палитры, дивной кистью,
Неизъяснимой пестротой
Она златит, малюет листья:
Янтарь и яхонт, и рубин
Горят на сих древесных купах,
И кудри алые рябин**

* В речке Повенчанке находят жемчуг, иногда довольно окатистый и крупный.

Висят на мраморных уступах.
И вот, меж каменных громад,
Порой я слышу шорох стад,
Бродящих лесовой тропею,
И под рогатой головою
Привески звонкие брячат...
Край этот мне казался дик:
Малы, рассеяны в нем селы;
Но сладок у лесной Карелы
Ее бесписьменный язык.
Казалось, я переселился
В края Авзонии²⁸ опять:
И мне хотелось повторять
Их речь: в ней слух мой веселился
Игрою звонкой буквы Л.
Еще одним я был обманут:
Вдали, для глаз, повсюду ель
Да сосна, и под ней протянут
Нагих и серых камней ряд.
Тут, думал я, одни морозы,
Гнездо зимы. Иду... Вдруг... розы!
Всё розы весело глядят!
И Север позабыл я снова.
Как девы милые, в семье,
Обсядут старика седого,
Так розы в этой стороне,
Собравшись рощей молодою,
Живут с громадою седою.
Сии места я осмотрел
И поражен был. Тут сбывалось
Великое!.. Но кто б умел,
Кто б мог сказать, когда то случилось?
Везде приметы и следы

**И вид премены чрезвычайной
От ниспадения воды —
С каких высот? осталось тайной...
Но Север некогда питал,
За твердью некоей плотины,
Запасы вод; доколь настал
Преображенья час! — И длинный,
Кипучий, грозный, мощный вал
Сразился с древними горами;
Наземный череп растерзал,
И стали щели — озерами.
Их общий всем, продольный вид
Внушал мне это заключенье.
Но ток, сорвавшись, все кипит.
Забыв бывшее заточенье,
Бежит и сыплет валуны
И стал. Из страшного набега
Явилась — зеркало страны —
Новорожденная Онега!
Здесь поздно настает весна;
Глубоких долов, меж горами,
Карела дикая полна:
Там долго снег лежит буграми,
И долго лед над озерами
Упрямо жметя к берегам.
Уж часто видят, по лугам
Цветок синее подснежный,
И мох цветистый оживет
Над трещиной скалы прибрежной;
А серый безобразный лед
(Когда глядим на даль с высот)
Большими пятнами темнеет
И от озер студеным веет...**

**И жизнь молчит, и по горам
Бедна карельская береза;
И в самом мае, по утрам,
Блится серебро мороза...
Мертвеет долго все... Но вдруг
Проснулось здесь и там движенье;
Дохнул какой-то теплый дух,
И вмиг свершилось возрожденье:
Помчались лебедей полки,
К приютам ведомым влекомых;
Снуют по соснам пауки;
И тучи, тучи насекомых**

144

**В веселом воздухе жужжат.
Взлетает жавронок высоко,
И от черемух аромат
Льет долго и далеко...
И в тайне диких сих лесов
Живут малиновки семьями:
В тиши бестенных вечеров
Луга и бор, и дичь бугров
Полны кругом их голосами.
Поют... поют... поют оне
И только с утром замолкают:
Знать, в песне высказать желают,
Что в теплой видели стране,
Где часто провождали зимы;
Или, предчувствием томимы,
Что скоро, из лесов густых,
Дохнет, как смерть, неотвратимый,
От Беломорских стран пустых,**

Губитель роскоши и цвета,
Он вмиг, как недуг, все сожмет,
И часто в самой неге лета
Природа смолкнет и замрет!
По Суне плыли наши челны,
Под нами стлались небеса,
И опрокинулся в волны
Уединенные леса.
Спокойно все на влаге светлой,
Была окрестность в тишине,
И ясно на глубоком дне
Песок виднелся разноцветный.
И, за грядою серых скал,
Прибрежных нив желтело золото,
И с сенокосов ароматом
Я в летней роскоши дышал.
Но что шумит?.. В пустыне шепот
Растет, растет, звучит, и вдруг —
Как будто конной рати топот,
Дивит и ужасает слух!
Гул, стук! — Знать, где-то строят грады;
Свист, визг! — Знать, целый лес пилят!
Кружатся, блещут звезд громады,
И вихри влажные летят
Холодной, стекловидной пыли:
“Кивач!..²⁹ Кивач!.. Ответствуй, ты ли?..”
И выслал бурю он в ответ!..
Кипя над четырьмя скалами,
Он, с незапамятных нам лет,
Могучий исполин, валами
Катит жемчуг и серебро;
Когда ж в хрустальное ребро
Пронзится горными лучами,

Чудесной радуги цветы
Блестят — пустыни монументы.
Таков Кивач, таков он днем!
Но под зарею летней ночи
Вдвойне любятся им очи:
Как будто хочет небо в нем
На тысячи небес дробиться,
Чтоб после снова целым слиться
Внизу, на зеркале реки...
Тут буду я! Тут, жизнь, теки!..
О, счастье жизни сей волнистой!
Где ты? — В чертоге ль богача,
В обетах роскоши нечистой,
Или в Карелии лесистой,
Под вечным шумом Кивача?..”

Духи основали свое царство в пустынях *лесной Карелы*. Вот как поэт наш изображает их.

В тех горах
Живут селениями духи:
Точь-в-точь, как мы! В больших домах,
Лишь треугольником их кровли;
Они охотники до ловли,
И все у них, как и у нас:
Есть чернь и титул благородных;
Суды, Расправы и Приказ.
Но нет балов, торговок модных,
Карет, визитов, суеты
И бестолкового круженья;
Нет мотовства и разоренья,
Так, стало, нет и нищеты!
Счет, вес и мера без обмана,

И у судейского кафтана
 У них не делают кармана. —
 Я не могу уверить вас,
 Имеют ли они Парнас,
 Собрания авторов и залы
 Для чтения.— “А есть журналы?”
 Нет-с! — Ну, и ссоры меньше там:
 Литературные нахалы
 Не назовут по именам
 И по отечествам, чтоб гласно,
 Под видом критики, ругать:
 То с здравым смыслом не согласно!
 И где, кто б мог закон сыскать,
 Который бы людей уволил
 От уз приличия? И им
 Как будто должное, дозволил
 По личным прихотям своим,
 Порою ж и по ссоре личной.
 Кричать, писать, ругать публично?..
 Зато уж в обществе духов —
 Вон там, на тех скалах огромных —
 Все так приязнены! Так скромны!..
 От человеческих грехов
 Подчас им, бедным, очень душно!

И если станет уж и скучно
 Смотреть на глупости земных,
 На наши шашни и проказы,
 То псов с собой четвероглазых
 И в лес! И вот лесов *чесных*
 Принявши образ, часто странный,

То, выше ели, великаны,
То наравне, в траве, с травой!
Проказят, резвятся, хохочут,
Зовут, обходят и морочат...
Иди к ним, с умной головой,
Начитанный теории,— что же?
Тебе ученость не поможет:
Ты угоришь: всё глушь да мрак;
А духи шепчут: “Ты дурак!
Сюда, мудрец, вот омут грязный!”...
Не так ли иногда приказный,
Раскинув практику свою,
Из справки в справку ходит, ходит
И часто в бестолочь заводит
И толковитого судью?..